

Гайк Кристина Алексеевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Проблемы возмещения расходов наследника при одностороннем отказе от наследственного договора

Аннотация. В статье исследуется механизм компенсации затрат приобретателя при одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора. Проведен сравнительный анализ доктринальных подходов и судебной практики за 2021-2026 гг. Выявлен дефект российского регулирования, который выражается в привязке возмещения к категории «убытки» (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]), что делает защиту добросовестной стороны процессуально неисполнимой. Обоснована необходимость замены данной конструкции на институт гарантированного возмещения с возможностью определения его размера судом по трехкомпонентной формуле.

Ключевые слова: наследственный договор; односторонний отказ; компенсация затрат; упущенная выгода; добросовестный приобретатель; судебная практика; ст. 1140.1 ГК РФ

Официальное признание наследственного договора Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [3] ознаменовала отход от жесткой догмы о недопустимости соглашений о наследовании в российском праве. Законодательная конструкция создавалась как гибкий инструмент, позволяющий гражданам при жизни определить порядок перехода имущества и обеспечить себе гарантированное встречное предоставление [9, с. 400]. Ожидалось, что данная новелла снизит количество наследственных споров и повысит стабильность гражданско-правовых связей.

Накопленная за прошедшие годы судебная и нотариальная практика показывает, что реализация института сопряжена с системными коллизиями. Ключевая проблема состоит в механизме защиты добросовестной стороны при одностороннем отказе наследодателя. Абзац второй части 10 статьи 1140.1 ГК РФ [2] ставит возмещение издержек приобретателя в прямую зависимость от доказанности убытков.

В российском гражданском праве (ч. 1 ст. 15 ГК РФ) понятие «убытки» включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду, бремя доказывания размера и причинно-следственной связи которых лежит на кредиторе [1]. В правоприменительной деятельности это приводит к тому, что приобретатель вынужден доказывать не только факт понесенных затрат, но и размер неполученных доходов от имущества, на которое у него еще не возникло вещного права. Суды, следуя букве закона, систематически отказывают во взыскании упущенной выгоды, что фактически обесценивает механизм защиты и поощряет злоупотребление правом со стороны наследодателя [5].

Теоретическая некорректность конструкции становится очевидной при анализе природы наследственного правопреемства. В классическом завещании у потенциального наследника до открытия наследства нет никаких субъективных прав, а есть лишь фактическая надежда (*spes successionis*). Наследственный договор, в силу своего возмездного характера, трансформирует эту зыбкую надежду в охраняемое законом правовое ожидание. Однако, требование о возмещении упущенной выгоды от неполученного наследства юридически неисполнимо, поскольку упущенная выгода предполагает наличие реального права на получение дохода, которого у приобретателя до открытия наследства попросту нет. Законодатель, настаивая доказать упущенную выгоду, фактически отодвигает приобретателя обратно, в статус простого наследника по завещанию, игнорируя встречный характер сделки.

Анализ правоприменительной практики и доктрины за период с 2021 по 2026 год выявляет устойчивую негативную динамику [5]. Суды общей юрисдикции, разрешая споры о взыскании расходов, формально подходят к оценке доказательств. Требуют от приобретателя доказывания того факта, что данные траты не совершались бы им в отсутствие договора. Как отмечает в своем исследовании Е.А. Ходырева,

судебная практика систематически исходит из того, что бремя доказывания размера убытков и прямой причинно-следственной связи лежит на истце, что делает защиту приобретателя, в условиях наследственного правопреемства, процессуально неисполнимой [10, с. 342]. Типичная аргументация часто строится по замкнутому кругу. Приобретатель должен доказать, что траты были обусловлены именно договором, а не родственным чувством долга. Поскольку стороны часто являются родственниками, суды априори склоняются к безвозмездному характеру помощи. В конечном итоге приобретатель попадает в процессуальную ловушку, так как ему требуются доказательства, которые в бытовой практике просто не фиксируются.

Значительно показателен подход к упущенной выгоде. В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025 год) [5] суды единодушно указывают: поскольку право собственности на имущество переходит к приобретателю лишь в момент открытия наследства, до этого момента у него отсутствует правовое основание для получения доходов от данного имущества. Следовательно, упущенная выгода в виде неполученных арендных платежей или иной коммерческой отдачи имущества взысканию не подлежит [5].

Категория «убытки» теоретически не подкреплена доказательствами в контексте наследственных правоотношений, так как до момента открытия наследства у приобретателя не возникает вещного права на имущество, а значит, он не может быть лишен возможности получать от него доходы. Доказать упущенную выгоду в подобной ситуации процессуально невозможно. Парадоксальность заключается в том, что законодатель, стремясь сохранить преемственность с общими положениями об обязательствах, механически перенес категорию «убытки» в наследственное право, не учтя его специфики.

Практические сложности усугубляются необходимостью отграничения договорных обязательств от безвозмездной помощи. Приобретателю недостаточно предоставить чеки и квитанции. Он должен доказать, что эти расходы осуществлялись именно во исполнение договора. Как показывает практика, подобная задача относится к категории невыполнимых. Действующие Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления

Федеральной нотариальной палаты от 02.03.2021, протокол № 03/21) [6] не содержат превентивных алгоритмов действий нотариуса, что оставляет приобретателя, на этапе исполнения договора, в состоянии правовой неопределенности. Нотариальная форма, будучи обязательным условием действительности сделки (ч. 1 ст. 1140.1 ГК РФ), не обеспечивает должного уровня контроля ее исполнения при жизни наследодателя.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о злоупотреблении правом. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 и 4 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», извлечение преимущества из недобросовестного поведения не допускается [4]. Если наследодатель, получая годы ухода и содержания, затем оформляет односторонний отказ или прижизненно отчуждает предмет договора по ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ [2], он фактически извлекает выгоду из недобросовестного поведения. Казалось бы, суд должен применить ст. 10 ГК РФ и отказать в защите права, но судебная практика показывает обратное. Суды крайне неохотно применяют ст. 10 ГК РФ к наследодателям, ссылаясь на императивный характер права на односторонний отказ и прижизненное распоряжение имуществом [5]. Подобная правоприменительная инерция порождает опасный прецедент – специальная норма фактически блокирует действие основного принципа добросовестности.

Сравнительный анализ с договором пожизненного содержания с иждивением позволяет оценить масштаб проблемы. При ренте закон автоматически устанавливает залог имущества в силу закона (ч. 1 ст. 583 ГК РФ), что защищает плательщика ренты от недобросовестного отчуждения. В наследственном договоре подобный механизм отсутствует. Более того, закон императивно запрещает любые ограничения на распоряжение имуществом при жизни наследодателя, что исключает применение обеспечительных механизмов. Зарубежный опыт демонстрирует иные подходы. В Германии наследственный договор предполагает жесткую связывающую силу. Наследодатель не может свободно отменить распоряжение, если контрагент уже приступил к исполнению обязанностей [7]. Российский законодатель, сохраняя за наследодателем широкую свободу одностороннего отказа, создал системные

проблемы, требующие законодательной корректировки [8, с. 338].

Отдельного осмысления заслуживают скрытые налоговые риски, которые дополнительно искажают экономический баланс сделки. Если приобретатель не входит в круг близких родственников наследодателя, получение имущества по наследственному договору может быть квалифицировано налоговыми органами не как наследование (ч. 18.1 ст. 217 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ), а как возмездное отчуждение. В этом случае у приобретателя возникает обязанность по уплате НДФЛ в размере 13% (или 15%) с рыночной стоимости полученного имущества. Подобная фискальная ловушка снижает инвестиционно-доверительную привлекательность института, вынуждая граждан оказывать предпочтение классической ренте.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, использование категории «убытки» (ст. 15 ГК РФ) вместо «расходы» или «договорная компенсация» в абз. 2 ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ представляет собой дефект юридической техники. Понятие «упущенная выгода» несовместимо с природой наследственного правопреемства. Это превращает механизм защиты в фикцию, возлагая на приобретателя бремя доказывания.

Во-вторых, необходимо законодательно заменить категорию «возмещение убытков» на «выплату гарантированной компенсации». Данное изменение позволит устранить механизм доказывания причиненного вреда на исполнение заранее согласованных условий, при этом право наследодателя и наследника на изменение договора не будет нарушено, поскольку договор не превратится в кабальную сделку с принудительным исполнением в натуре.

Для этого предлагается изложить абз. 2 ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ [2] в следующей редакции: «Наследодатель, отказавшийся от наследственного договора, обязан возместить приобретателю фактически понесенные расходы, связанные с исполнением договора, а также выплатить гарантированную компенсацию. Размер такой компенсации определяется соглашением сторон в тексте наследственного договора. Если размер компенсации в договоре не установлен, он подлежит взысканию в размере, определяемом судом с учетом принципов справедливости,

соразмерности фактически оказанных приобретателем услуг (работ) и рыночной стоимости аналогичных услуг на момент получения уведомления об отказе».

Чтобы предлагаемая конструкция применялась на практике, необходимо закрепить в законе, или в актах официального толкования трехкомпонентный алгоритм расчета гарантированной компенсации (рис. 1).

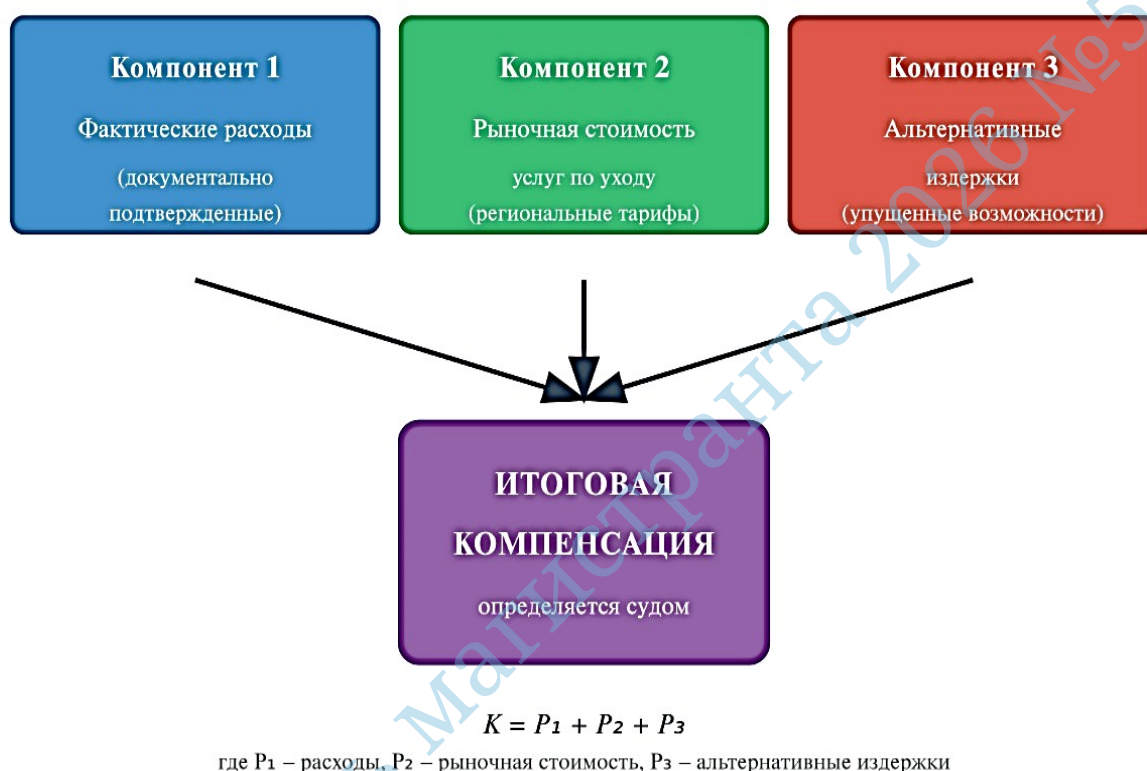

Рис. 1. Структура гарантированной компенсации при одностороннем отказе от наследственного договора

Первый компонент – документально подтвержденные фактические расходы. Второй компонент включает рыночную стоимость услуг по уходу, которая рассчитывается исходя из региональных тарифов органов социальной защиты. В составе третьего компонента – компенсация альтернативных издержек приобретателя, например, если он был вынужден уволиться или перейти на неполный рабочий день.

На взгляд автора статьи, этот механизм позволяет перевести защиту из разряда формальной – в реально работающую. По крайней мере, теоретически. Если суду будет предоставлен чёткий алгоритм – приобретатель получит защиту от недооценки своего вклада. Здесь важно не только право, но и экономический стимул

добросовестно исполнять договор. Следовательно, риск недобросовестного отчуждения перекладывается на отчуждателя (а не на приобретателя). При этом стоит подчеркнуть, что наследодатель не лишается права на односторонний отказ – эта свобода остаётся неприкосновенной.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) / Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть III) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025 год) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025) / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 6.
6. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 02.03.2021, протокол № 03/21) / [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568 (дата обращения: 18.06.2026).
7. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch – BGB) от 18 августа 1896 г. (BGBI. S. 195), в редакции, действующей на 2026 год. §§ 2274-2302 // Официальный портал федерального права Германии «Gesetze im Internet» / [Электронный ресурс] / URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 15.07.2026).
8. Краснослободцева К.И., Шкут М.А., Мичурина Е.А. Сравнительная

характеристика правоприменения наследственного договора: российский и зарубежный опыт // Мировая наука. 2026. № 6 (111). С. 336-342.

9. Ушакова Е.В., Андрианова В.В., Кобзева Е.И. Юридическая природа наследственного договора как регулятора договорных отношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 399-402.

10. Ходырева Е.А. Проблемы возмещения убытков при одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора // Вестник Удмуртского университета. 2025. Т. 35, вып. 2. С. 341-347.

@Бюллетень магистранта 2026 №5